Владимир ЛОРИЯ

Член Московской областной организации СП России, почти 30 лет проработал врачом в Литфонде СССР.

Этой осенью Владимир Лория побывал в Грузии. В городе Боржом он встретился с друзьями юности. В Мцхета, древней столице Иверии, посетил один из духовных символов современной Грузии — знаменитый кафедральный собор Светицховели, который в течение века был главным собором страны и в наши дни является памятником всемирного наследия ЮНЕСКО.

На собрании в Союзе писателей Грузии в Тбилиси Владимир Лория выступил с приветственным словом от имени МСПС, рассказал о каждодневной работе этой международной организации, поделился планами на будущее. Выступление было тепло принято земляками. Писатель Тимур Коридзе в ответном слове поблагодарил посланника литературной России от грузинских собратьев по перу и выразил надежду на будущее сотрудничество с МСПС и Международным Литфондом.

В старом духане где-то в Тбилиси...

***

Гроздь запотелая, заиндевелая,
В листьях нарядная,
гроздь виноградная.
Утром в давильне брызнешь ты соком
И заиграешь под солнечным оком.
Сил наберёшься в огромном кувшине,
Будешь вином кахетинским отныне.
Ну, и наполнишь рог Диониса
В старом духане где-то в Тбилиси.
За чередою застольных приветствий
Ты воскресишь задушевное детство.
Но и напомнишь, рубином играя,
Движется всё, да и облик меняет.
Будешь мне в старости
терпкой отрадою,
Гроздь запотелая,
гроздь виноградная.

***

Далёкое время: кусты ежевики,
Медовые травы волос твоих диких.
Тебе с укоризной шептали дубы:
«Попытка и есть соучастник судьбы!»
Но мимо судьба пролетела,
коснувшись
Волос твоих диких, едва оглянувшись.
День был, словно ландыш,
пахуч, серебрист,
И свеж был напев у скворца и цветист.
Дрожали, струились, небесные блики,
По травам медовым
волос твоих диких.

***

Дождя серебряные нити.
Под шум его приснилось мне
Одно забытое событье,
В минувшем невозвратном дне.
И горько думать утром ранним,
Что вдруг, пригрезившись во сне,
Ты стала лишь воспоминаньем,
Жемчужной капелькой в окне.
И тёмные светлеют стены.
Гляжу в пространство недвижим,
И вижу: тают, постепенно,
Твои глаза, в дожде как дым.

Дура

Кобыла по прозвищу Дура,
Каурая с проседью масть.
– Ты этим безжалостным утром
Не дай мне навеки пропасть!
Трещали, как выстрелы, сучья,
Стонал на ветру сухостой.
И с рубленной раной поручик
Прижался к загривку щекой.
Шептал он, теряя сознанье,
Впадая в предсмертную тьму.
– Ты, Дура – моё упованье...
И лошадь внимала ему.
И вынесла с честью героя,
Поручик вернулся к своим.
В раскатах последнего боя
Растаял, как облачко, Крым.
Привычка – вторая натура,
На фронте писал и в бистро́...
Кобыла по прозвищу Дура
Спасла золотое перо.

***

Игорю Золотусскому

Сон обвёл кошачьими глазами
Закоулки комнаты большой,
Потревожил мягкой лапой память,
Душу разбередил и ушёл.
Замелькали города и веси–
Мир, в котором выпало страдать...
Тихо снизошла из поднебесья,
Незаметно, к изголовью мать.
— Было нас когда-то только трое,
Но, увы, остался ты один,
Ты раскрылся, я тебя укрою,
Мой несчастный, одарённый сын!–
Далее развёртывалась драма,
И всё безнадёжней и нежней,
Мальчика застенчивая мама,
Призраком стояла у дверей.
Твёрдый голос в отстранённом мире,
Неужели отчий тембр родной?
Незнакомец, проходивший мимо,
Помахал приветливо рукой.
И заплакал тихо мальчик старый,
Мать с отцом расстаяли во сне.
Фонари мерцали, как Стожары.
В непривычно гулкой тишине.

***

Засмотрелся я в быстрые воды,
Вечно мутной и буйной Куры.
Унесла ли она мои годы,
Прелесть той первозданной поры,
Когда солнца малиновый сгусток
Диадему окрашивал гор,
Когда сердце не ведало грусти
И звучал в его ритме задор.
Унесла она дни благодати,
Но не все их забыть я могу,
Как и девочку в ситцевом платье,
Что осталась на том берегу.

***

Как светел город был тобой —
Звонкоголосый майский улей...
Во тьме осиротелых улиц,
Теперь брожу ночной порой.
Мелькнёт случайный свет авто.
Безмолвье. Ночь. Часа четыре.
И не подскажет мне никто,
Где ты сегодня в новом мире.
В тебе и в памяти тону.
Он был тобой — безмерно дорог,
Опустошённый ныне город,
Весь погружённый в тишину.

Зоя КОЛЕСНИКОВА

Для сонаты из снов

***

Тонкой свечой ко Вселенной
пристроился месяц –
милый, влюблённый, чудной
и таинственный страж...
Столько к нему нагорожено
всяческих лестниц –
каждая кажется лишней.
И месяц – не наш.
Гроздь виноградная
в небе бессонном зависла.
Листьев последних шуршание
вдвое жальчей...
Если прелюдия сыграна Ференца Листа,
месяц ноябрьский –
высокий, далёкий, ничей.
Все сообразно
блаженству царящего света:
в море уходит, навек удаляясь, ручей...
Миг, остановленный
дивной случайностью ветра,
там, где душа не находит покоя себе,
был так устроен,
что лучше молчанья об этом
нет ничего.
Есть молчание снов о тебе.

***

На родине другие облака...
Офорт небесный каждый миг иной:
то явится широкая река,
то лес встаёт темнеющей стеной,
чудной, непостижимый, необъятный...
Чем ближе ночь,
тем речь его невнятней...
Глядит провинциальная луна,
вуаль набросить на чело не смеет:
она в своей провинции одна
и час, и век мою судьбу лелеет.
Невидимая птица в камышах,
как тысяча кузнечиков, стрекочет,
и до любви душе один лишь шаг,
который совершить она не хочет...

***

Одичавшая кошка в заброшенном доме,
одичали у дома глаза.
На странице семнадцатой
в избранном томе
давний автор пытался сказать
о виденье в морозной дали,
о зеркальном присутствии снега:
как посмели мы, как мы могли
сделать в доме
привратником эхо?!
Чистый снег у забытых ворот,
на реке ждёт нетронутый лёд,
лёд в ведре в замороженном доме.
Под замком наши души в погроме.

***

Ещё живу. Наверное, жива.
Иду к реке сквозь лето
и сквозь зиму.
И луч небесный теплится едва —
уж не во мне, — а над —
невыносимо.
В вечернем свете —
мудрые слова,
иная жизнь, где Вы и Ваше имя.
Я не права. Я знаю. Не права.
Вы правы, дорогой, —
непоправимо.

Прозрачная грусть и терпеливое женское сердце Зои Колесниковой

Читатель вдоволь вкусил женской лирики, в которой alterego автора отличается умом и страстью, интеллектом и стойкостью, и очень часто напоминает амазонку — в первую очередь, своей отчётливой самодостаточностью. А вот стихотворений, в которых можно найти терпеливое женское сердце, затаённую любовь, окрашенную тихой печалью, сдержанность чувств, — как никогда мало.

Такие произведения притягивают не только женскую читательскую аудиторию, часто сентиментальную, но и читателя-мужчину, который соскучился по лёгкой ласке, мягкому слову, прозрачной грусти, созвучной закатному небу...

Строки Колесниковой именно таковы. В них наглядна эскизность, свойственная восточной поэзии. Но здесь нет строго подчёркнутой формы, которая могла бы напомнить о стилизации и разрушить искренность лирических слов. В этих стихах присутствует неторопливость событий и переживаний, «медлительность течения реки». Речь поэтессы порой витиевата, но рядом же — и очень проста. Иногда сбивчивая и неловкая, она вдруг последовательно выстраивается, как по скрытым магнитным смысловым линиям:

А река не вошла в берега...
А душа над тобой распростёрта...
Эти дали, холмы и луга...
Нет преград.
И последняя — стёрта.

Рациональный человек назовёт лирику Зои Колесниковой старомодной. Не нужно опровергать подобную, в духе современного века, характеристику. Потому что нынешнее время эмоционально и нравственно никак себя не утвердило, но постаралось тщательно выветрить из человеческого сознания уют семейного очага, доверительность отношений, жертвенность любви, терпение, скрытое от посторонних глаз, и ещё многое, без чего трудно жить, верить в будущее и сохранять память о прошлом.

Ты был готов к разлуке этой...
И сам всё чаще говорил
о доле русского поэта...
И ты меня не удивил,
когда сказал, слегка сутулясь,
насторожённый сам к себе,
среди вокзалов, башен, улиц:
– Я буду помнить о тебе!

Современная поэзия увлеклась видимой сложностью своих героев, заигралась в слова, запуталась в реальных предметах — и внезапно стала похожа на цветы, постоявшие в подкрашенной воде: линии те же, но оттенки — совершенно чужие.

Стихи Зои Колесниковой, неброские по форме и традиционные по духу, который их пронизывает, помогают каждому читателю почувствовать: мир всё ещё человечен, а верность любящего сердца по сей день является животворящей кровью нашей литературы.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

Гурген БАРЕНЦ

Родился в Ереване. Поэт, прозаик, переводчик, журналист, литературовед. Автор однотомника избранных стихотворений «Уроки Дороги» (Ереван, 2010) и более 2000 публикаций в периодических изданиях.

Стихи и переводы печатались в десятках антологических сборников современной армянской поэзии. Участник, дипломант и лауреат многих международных литературных премий.

Молитва

Все деньги мира
Отдай банкирам.

Благополучье
Отдай везучим.

А мне, поэту,
Дай власть над словом.
Пусть рифмы станут
Моим уловом;

Чтоб я, как в тире,
Стрелял по цели,
Чтобы банкиры
Навзрыд ревели.

***

Мне подарили жизнь — она была
Вне всех границ, пределов разуменья.
Я видел над собою два крыла —
Другим они казались просто тенью.

Плыла река. И с нею жизнь плыла,
Ах, ухватиться б за неё руками!
А надо мной белели два крыла —
Другим они казались облаками.

Жизнь, словно щепку, унесла река.
Я так и не нашёл ей примененья.
Мне крыльями махали облака.
Другим они казались просто тенью.

***

Есть город иного замеса,
Чудесный, с открытой душой.
Одесса, Одесса, Одесса,
Никто для тебя не чужой.

Есть город — портовый, фартовый,
Единственный в роде своём.
В карман не полезет за словом,
Где нужно, пойдёт напролом.

Есть город, отмеченный Богом,
Страдалец, боец, весельчак.
Он знает к удаче дорогу
И небо несёт на плечах.

А как он умеет смеяться!
Здесь также он неповторим.
Он — лучшая кузница граций.
Ну, кто потягается с ним!.

Есть город — небесная месса,
Приветливый, добрый, как свет.
Он — точно иного замеса,
Другого подобного нет.

***

Долг кесарю сполна уже уплачен,
Висим над бездной.
Стёрся в нить канат.
Колокола по нашим душам плачут,
А мы себе внушаем, что звонят.

***

Для прощелыг политика — раздолье;
Раз, два — и в дамки.
Вышла в князи голь.
Я крикнул королю:
«Да ты же голый!»
Он мне ответил: «Но зато — король».

***

Большие деньги, я слышал,
Портят людей.
И всё-таки очень печально,
Что мне реально грозит
Умереть неиспорченным.

***

В последнее время ночью,
Во время бессонницы,
В самом ярком изображении
Вспыхивают в воображении
Все совершённые глупости,
Все совершённые подлости.

Мне кажется,
я начал репетировать
Свой отчёт перед Богом.

***

Ложатся годы гирями на плечи,
Лишь поскрести осталось
по сусекам.
Я осознал,
что в Бога верить легче,
Чем в Человека.

Поэты Хорватии

Андриана КОС-ЛАЙТМАН

Окончила факультет исследования и сравнительной литературы Загребского университета и на факультете философии получила докторскую степень. Доцент педагогического колледжа Университета Загреба.

Её стихи были опубликованы в хорватских и международных журналах. Лауреат литературной премии «Добриша Цесарича».

Пауки

Между утром и днём
дни и недели
слушаю слов
проступающий треск.
Парашюты,
комната,
углы почернели,
запаучены,
прежний утратили блеск,

потемнели, но, всё же, не онемели,
в книжной пыли
диагонально углы
вспоминают стихи.

Геометрия воды

Виденье себя в другом
Означает сближение обоих
Мария П., Голубые заметки

Льётся золото сверху
(поля в отблесках
проходящих дней)
колёса вращаются ровно,
без звуков,
чуть приглушённо,
чисто в драме своей –
необходимости в ней

вижу себя в движении,
какой должна *быть*,
требования к себе,
почему именно ты:
и это не модель, которой ты следуешь,
только рука к руке,
близость,
хрупкость,
брошенный код налегке
.....
усилие, чтобы проснуться,
когда подступает рассвет
к горлу,
в глубине тебя:
вечный сказочный лес,
но в котором тебя там нет.

Когда под тобой
подкашиваются ноги
и пространство
превращается в музыку,
когда тлеющий огонь ощущаешь,
как красный дым
и как горячие, только что
выступившие слёзы,
тогда ты услышишь,
те звуки,
которые становятся словом,
где прошлое не так уж и плохо,
его невидимая линия
уверенной рукой
рисует счастливые лица,
обращённые к небу.

Но это не образ для подражания:
этого не может быть,
это невозможно повторить,
это – то невидимое,
что никогда не изобразят
в виде татуировки.

Оно лишено самоощущения,
ощущения окружающего мира
и бдительности,
оно становится символом круга:
геометрией воды,
свободно собранной
энергией поверхности капли
без необходимости
попытки выхода из своих границ.

Затуманенные глаза,
которые, увидев ошибку,
преодолевают излом в судьбе,
это зазор, в который проходит
глоток воздуха.

Отказываюсь говорить о нежелательном,
не хочу быть цитатой,
которая покажется поучительной.

Не позволяй,
не позволяй,
не позволяй!
Ты как море, втягивающее в круг,
как лик, принимающий вид иконы,
как солнце на гладкой поверхности,
становишься
разгорячённым штемпелем
происходящего
и красиво запечатлеваешь каждый миг.

И я знаю,
так или иначе,
это просто игра
в чёрно-белую череду дней:
витражи во сне,
хрупкая вербальная пустота
в пространстве.

Не позволяй ей
стать символом круга —
геометрией воды!

Джозеф СВЕНИЧ

Прозаик, поэт, сценарист, драматург, культурный аниматор, редактор. Изучал философию и социологию в Сараево. Как редактор подготовил около ста номеров журнала «Литературное обозрение», и выпустил несколько сотен книг. Пишет сценарии для фильмов.

Лифт взросления

Только что в лифте видел ребёнка,
лифт увозил его в детский сад,
время мастерски чешет гребёнкой,
и позади уже первый класс.
Поднимался на цыпочках в лифте
легонько
он, чтобы нужную кнопку достать.

Когда же этаж с цифрой класса
сравнялся,
ребёнок ровно стоял на ногах,
четвёртый уже за плечами остался –
так вспоминал я о школьных годах.
С пятого класса я понимаю,
что у ребёнка женственный взгляд,
и появились приметы и тайны,
которые и отличают ребят.

Взгляд свысока
на кого-то другого,
снова в лифте, она и он,
мальчишка соседский,
по лифту знакомый,
молча стоит под окном.
Потом лишь она и я один,
мимолётная в лифте встреча,
и новая тайна во взгляде двоих
стала ездить с ними как «это».

Только что нас поднимал этот лифт,
как в небоскрёбе, на крыши
с сотней в нём этажей и жизней иных...
А на шпильках она стала выше.
Посмотрела в зеркало на себя
и увидела в нём меня тоже.

Интересно, заметила ли она
Во мне перемены схожие.

Застрявшая в Worde

Нет большей радости от рукописи,
напечатанной на машинке,
её можно выбросить, сжечь,
уничтожить
один только раз.
Компьютер же защищает всё.
В Worde можно удалить
слова, предложения, абзацы...

Но он всегда всё
положит в некую корзину, которая,
примет мои уничтоженные рукописи.
И сохранит их там, дай Бог...

Невозможно уничтожить
ни своё детство,
ни даже вымышленных персонажей,
они всегда находятся в неком файле,
копии спрятаны на диске символов,
на дискете, на компакт-диске...
и невозможно сопротивляться.

Если ты нажмёшь клавишу «*Удалить*»,
удалится, утилизируется,
переместится всё,
однажды некто спросит меня:
Нужно ли сохранить текст?
Как назвать текст?
Я пошлю ему письмо
по электронной почте...
И ты не можешь больше сжечь
текст как тост,
резервные копии не дают мне покоя,
гоняются за мной,
как нечто недоброе,
отклонил рукопись,
показалось плохо?
Преследуют меня
плохие и злые персонажи,
их судьбы сброшены в корзину.

Некогда писатель мог
случайно уничтожить
рукопись в одном экземпляре,
не было копировальной бумаги,
не было ксерокса,
текст хранился, как алмаз в сейфе.
Сегодня и алмазы копируются в
хрустальных бусах, жемчуга,
низкие истории.

В настоящее время автор может
просто загубить рукопись,
однажды я расстроился,
потерял свою рукопись,
почти готовую,
ни в одной опции Worda
не мог найти,
компьютерный эксперт
открыл запасной Word,
некая запасная новая программа
была размером,
как сама Вселенная,
по-прежнему там ютились
всё те же тексты,
возвратилось ко мне то,
что я тогда не завершил...

Нет большей радости, когда
существовала рукопись одна,
и был только один оригинал.